

ГЕОРГИЙ МОИСЕЕВ*

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ: КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ**

Получено: 10.04.2026. Рецензировано: 18.06.2026. Принято: 31.08.2026.

Аннотация: Статья посвящена анализу алгоритмической власти, основанной на сборе и обработке данных с целью моделирования и превентивного воздействия на возможное поведение, в перспективе аналитики власти Мишеля Фуко. На основе критического рассмотрения концепций алгоритмической гегемональности Антуанетты Рувруа и Томаса Вернса и инструментальной власти Шошанны Зубофф выводятся специфические черты алгоритмической власти. Показано, что предиктивность и превентивность управления, а также практика управления посредством изменения среды наследуются алгоритмической властью от биополитических аппаратов безопасности, описанных Фуко. Но, в отличие от них, алгоритмическая власть асигнифкативна и функционирует вне производства смыслов и субъективности, отказываясь от ориентации на статистическую норму и переходя от причинного объяснения к оптимизации корреляций. Подчеркивается способность алгоритмической власти к осуществлению непрерывного контроля, основанного на обратной связи в режиме реального времени. Рассматривается вопрос о гегемональности, в рамках которой функционирует алгоритмическая власть: утверждается, что алгоритмические техники власти в совокупности с компьютерными науками не образуют самостоятельной гегемональности, а функционируют в рамках управленческой парадигмы, сформированной кибернетикой. Последняя не только задает принципы функционирования алгоритмического управления, но и обуславливает алгоритмические механизмы в качестве рациональной практики управления. В заключении рассматриваются возможные следствия распространения алгоритмической власти для политической жизни: эрозия публичной сферы, исчезновение границы между приватной и публичной сторонами жизни человека, а также угроза фундаментальным условиям существования политического — множественности и инаковости, непредсказуемости и возможности нового начала, которые вытесняются логикой предиктивной оптимизации.

Ключевые слова: алгоритмическая власть, кибернетика, гегемональность, Фуко, биополитика, Зубофф, управление.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-73-100.

*Моисеев Георгий Владимирович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), Moiseev.G.V@hse.ru, ORCID: 0009-0006-9403-5379.

**© Моисеев, Г. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

ВВЕДЕНИЕ

Многие мыслители связывали развитие техники с возможностью освобождения человека от необходимости рутинного труда и расширения пространства для политической, научной и творческой деятельности. В наиболее радикальной форме эта идея получила развитие в работах Маркса, Кейнса и современных теоретиков посткапитализма, таких как Пол Мейсон (Мейсон, Дунаев, 2016), Аарон Бастани (Bastani, 2019), Ник Срничек и Алекс Уильямс (Срничек и Уильямс, Охотин, 2019), которые рассматривают цифровые технологии как основу будущего общества, где автоматизация позволит существенно сократить объем необходимого труда. Однако характер развития технологий искусственного интеллекта ставит под вопрос подобный эмансипационный нарратив. Современный итальянский философ Маттео Пасквинелли в своем фундаментальном труде «Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта» выдвинул контринтуитивный, на первый взгляд, тезис о том, что ведущий на сегодняшний день инструмент автоматизации — ИИ

в основном заместил хозяев, то есть управляющих, а не слуг — рабочие нужны (и всегда будут нужны) [...] чтобы производить данные и значения для ненасытных конвейеров ИИ [...] чтобы обслуживать мега-машину, фильтруя контент, проверяя безопасность, бесконечно оценивая и оптимизируя (Пасквинелли, Напреенко, 2024: 16).

И похоже, что тому находится множество подтверждений. Так, по оценкам аналитиков исследовательской компании Gartner, 20% организаций используют ИИ для перехода к более плоским структурам, сокращая более половины (50%) должностей среднего звена (Gartner Unveils Top Predictions..., 2024). С помощью технологий ИИ проводятся массовые увольнения, автоматизируется подбор персонала, контролируется и оценивается работа сотрудников на фабриках и заводах (Liu, 2021). Алгоритмы определяют значительную часть повседневной жизни современного человека, будучи ядром поисковых и рекомендательных систем, обладающих широким диапазоном применения: формирование ленты в соцсетях, рекомендации новостей, товаров, медиаконтента и т. д. Отметим нарастающую тенденцию к повышению автономности систем ИИ, которым делегируется все больше решений: выписывание штрафов или слежка с помощью систем распознавания изображений, определение срока медицинской помощи и, соответственно, объема страховых выплат (Ross & Herman, 2023), принятие решений при рассмотрении

дел иммигрантов и беженцев (Harrington, 2023), участие в правосудии (Metz & Satariano, 2020).

Проблема не только в том, что алгоритмы ИИ не освобождают человека от труда, зачастую усиливая эксплуатацию. Другая проблема, которая будет рассмотрена в данной статье, заключается в том, что автоматизации подвергается и та область деятельности, которую многие, начиная с Аристотеля, считают специфически человеческой — политика и отношения власти. Главным инструментом этой автоматизации служат бурно развивающиеся алгоритмы машинного обучения или, как сейчас говорят чаще, технологии ИИ.

В современной исследовательской литературе выходит все больше исследований, посвященных трансформации политической сферы и механизмов власти в связи с внедрением алгоритмических систем. Так, Антуанетта Рувруа и Томас Бернс вводят концепцию алгоритмической гвернаментальности (Rouvroy & Berns, Carey-Libbrecht, 2013), Шосанна Зубофф анализирует инструментарную власть в рамках концепции надзорного капитализма (Зубофф, Смирнов, 2022), а ряд исследователей описывает складывающийся режим как алгократию — власть алгоритмов (Доронин, 2012; Aneesh, 2006). Эти исследования исходят из различных теоретических перспектив и подходов.

В рамках данной работы наиболее продуктивным представляется обращение к аналитике власти Мишеля Фуко. Как показывают приведенные выше примеры, алгоритмы воздействуют на поведение индивидов и групп в различных контекстах и на разных уровнях — от проектирования потребительского опыта до инструментов государственного управления и систем организации труда. Фукианский подход предполагает множественный и алокальный характер властных отношений, ориентирован на партикулярность и конкретность, что позволяет охватить разнородное и многоуровневое проникновение алгоритмов в жизнь человека.

Попробуем рассмотреть, что именно побуждает современных исследователей искать новый язык описания и предлагать новые концепции в попытке описать влияние алгоритмических технологий на механизмы власти. Сам Фуко предлагал «выделить специфическое, обратиться к этой специфичности и начать с ней борьбу, пытаясь эту специфику анализировать и находить подходящие для нее слова и описания» (Фуко, Скуратов, 2006: 48). Следуя этой методологической установке, в первой части статьи мы выявим отличительные черты новой формы власти, которую мы предлагаем называть алгоритмической властью

(заметим, что новая форма власти не вытесняет предшествующие, но сосуществует с ними). Во второй части статьи мы отдельно остановимся на понятии гвернаментальности Фуко, чтобы пояснить, как алгоритмическая власть соотносится с концепцией алгоритмической гвернаментальности Рувруа и Бернса, и прояснить тот тип рациональности, в рамках которого функционирует алгоритмическая власть. В третьей части статьи мы рассмотрим возможные следствия новой формы власти для политической жизни.

СПЕЦИФИКА АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

В поздний период своего творчества Фуко вводит концепцию обществ безопасности, в которых «терпимо относятся к целому ряду разновидностей поведения», включая девиантные и антагонистические, что отличает общества безопасности от предшествующих им дисциплинарных обществ. Но эта терпимость, эта свобода форм поведения возможна только вместе с расширением и углублением форм контроля, в оболочку которого заключено поведение (Фуко, Скуратов, 2006: 48). Способность управлять таким гетерогенным множеством форм поведения и необходимость создавать гибкую и повсеместную оболочку контроля вокруг индивидуального поведения потребовали развития новых, более изощренных механизмов власти. В работах 1970-х гг. Фуко связывает возникновение таких механизмов с распространением либеральных принципов управления (или, как скажет Фуко несколько позже, либеральной гвернаментальности). В отличие от дисциплинарной власти, стремящейся непосредственно предписывать и нормализовывать поведение индивидов, либеральное управление исходит из необходимости поддерживать и организовывать пространство свободы для обеспечения условий эффективного функционирования рыночной экономики. Дисциплинарная власть производит послушное тело, либеральное управление производит свободу, воздействуя на условия, в которых субъекты принимают решения и осуществляют свои практики. В этом контексте Фуко вводит понятие биополитики¹, которая имеет дело не столько с человеком как субъектом, сколько с человеком как биологическим существом и элементом популяции, занимаясь вопросами рождаемости, смертности, эпидемий, голода и т. п. (Фуко, Наумов, 1999; Фуко, Суслов и др., 2011).

¹Важно подчеркнуть, что биополитика не отменяет дисциплинарную власть — они сосуществуют, функционируя на разных уровнях.

Вместе с появлением понятия населения появляется и необходимость регулирования массовых процессов (например, уровня преступности или заболеваемости). Производство свободы сопровождается производством безопасности: ключевым механизмом биополитики становятся аппараты или технологии безопасности — ансамбль знаний, техник и административных практик, ориентированный не на запрет или регламент, а на изменение среды, в которой действуют люди. Его задача — организовать условия циркуляции (людей, товаров, информации) так, чтобы желательные процессы происходили сами собой. Аппараты безопасности не стремятся к тотальному контролю: допуская отклонения, они управляют рисками и кризисами посредством статистики и вероятностей, стремясь действовать превентивно (Фуко, Суслов и др., 2011: 13–133).

Здесь уместно задаться вопросом — действительно ли воздействие на поведение человека посредством алгоритмических систем являет собой исторически и типологически новый механизм власти? Об этом, например, заявляет Шошанна Зубофф, утверждая, что инструментарная власть — «это качественно новая власть, не имеющая исторических прецедентов» (Зубофф, Смирнов, 2025: 210). Зубофф сравнивает беспрецедентность инструментарной власти с беспрецедентностью тоталитаризма, который поначалу описывался в терминах империализма. Потребовалось время, чтобы исследователи смогли выработать язык для описания специфики этого явления (там же: 211). Само понятие «инструментарность» отсылает к работам Б. Ф. Скиннера — Зубофф полагает, что алгоритмические системы технологически реализуют старую бихевиористскую мечту о непрерывном наблюдении, на основе данных которого подбираются оптимальные стимулы для корректировки поведения. Зубофф говорит о характерном для современной формы капитализма стремлении непрерывно наращивать сбор данных посредством наблюдения за поведением (отсюда название «надзорный капитализм»). Качество цифровых продуктов зависит от объема данных — отсюда появляется императив накопления. Однако одного накопления данных недостаточно. Извлеченный поведенческий излишек должен превращаться в прогнозные продукты на основе анализа данных — так возникает императив прогнозирования. Пределом развития прогнозных продуктов становится ситуация, когда выгоднее не просто предсказывать поведение, а активно влиять на него, чтобы довести до нужного результата с высокой вероятностью (удержание внимания пользователя, покупка после рекламы и т. д.). В результате возникает императив модификации поведения, направленный на устранение

неопределенности и формирование предсказуемого поведения у его источника для получения экономической выгоды (Зубофф, Смирнов, 2022; Зубофф, Смирнов, 2025).

Если Зубофф в большей степени пишет о тех алгоритмических системах, которые используются частными корпорациями (поскольку ее интерес направлен на изменения логики капитализма), то Рувруа и Бернс (как и мы в данной статье) охватывают несколько более широкий круг применения алгоритмов, основанных на «автоматизированном сборе, агрегации и анализе больших данных с целью моделирования, предвосхищения и упреждающего воздействия на возможное поведение» для контекстуализации и автоматической персонализации взаимодействия (сюда относятся в том числе вопросы государственного администрирования, медицины, безопасности) (Rouvroy & Berns, Carey-Libbrecht, 2013: 166–167, 173). При этом они также отмечают предиктивность и превентивность алгоритмических систем, цель которых — управляемое будущее. Через работу с рисками и вероятностями (оценивая вероятность покупки, риск дефолта по кредиту, вероятность совершения правонарушения и т.п.) составляется прогноз, в соответствии с которым принимается то или иное решение, направленное на достижение желаемого исхода в будущем. Система стремится сделать поведение максимально предсказуемым еще до того, как возникнет ситуация выбора.

Само по себе прогностическое и превентивное управление не является чем-то типологически и исторически новым. Возникновение аппаратов безопасности, описанное ранее, сопровождалось развитием статистических методов описания населения, позволивших рассматривать социальные процессы как совокупность закономерностей, поддающихся расчету и прогнозированию. Полученное таким образом знание использовалось в биополитике для упреждающего воздействия на поведение населения. Например, меры государства по регулированию уровня рождаемости тоже формируют поведение превентивно через создание тех или иных экономических стимулов, регулирование медицинских процедур и т. д.

Более того, как аппараты безопасности, так и алгоритмическая власть осуществляют управление не через прямое воздействие на индивидов, а через изменение среды, то есть через изменение условий таким образом, чтобы желательное поведение возникало само. Об этом пишут как Рувруа и Бернс, так и Зубофф, которая подробно разбирает средства модификации поведения и выделяет три типа таковых: (1) подстройка (*tuning*): система изменяет информационную среду, чтобы повысить

вероятность определенного действия (персонализированные рекомендации, ранжирование информации, адаптивный дизайн интерфейсов); (2) понуждение (*herding*): осуществляется управление коллективными траекториями поведения (навигационные сервисы, перераспределяющие транспортные потоки, алгоритмы платформ, определяющие, какой контент получит массовое распространение); (3) обуславливание (*conditioning*): система пытается выработать устойчивые поведенческие реакции на основе принципов бихевиоризма — нужное поведение закрепляется через систему вознаграждений и стимулов, постепенно формируя поведенческие диспозиции субъекта (системы реакций и социальных вознаграждений, персонализированные под конкретные профили уведомления и т. д.) (Зубофф, Смирнов, 2022).

Безусловно, между механиками аппаратов безопасности и алгоритмической власти присутствует очевидная разница в масштабе — биополитика управляет населением в целом, воздействуя на общественную среду, в то время как алгоритмическая власть структурирует поле действий каждого индивида в отдельности — персонифицированно. Однако само по себе это различие еще не дает оснований утверждать беспрецедентность новых механизмов власти, ее историческую или типологическую новизну, скорее можно говорить о том, что структурно схожие механизмы власти теперь реализуются не только на общественном уровне, но и на частном.

Зубофф представляет надзорный капитализм как новый экономический порядок, где «богатство происходит из предсказуемости человеческого поведения» (Зубофф, Смирнов, 2025: 233). Это подкрепляет тезис о беспрецедентности новой формы власти: «Я утверждаю, что это беспрецедентный вид власти, возникающий в беспрецедентной цифровой среде надзорного капитализма и его беспрецедентной экономической логике, основанной на лишении прав на человеческое поведение как новый источник накопления капитала» (там же: 210). В то же время Фуко подчеркивает, что само возникновение биополитики связано с тем, что население начинает рассматриваться как источник богатства и могущества государства, в связи с чем жизненные процессы населения и становятся объектом систематического наблюдения, измерения и управления. Такие процессы, как рождаемость, смертность, распространение болезней и преступность, попадают в центр внимания власти именно потому, что они влияют на силу и производительность населения. Появляется знание о том, что богатство зависит от определенной организации жизни людей (Фуко, Самарская, 2005; Фуко, Суслов и др., 2011). Здесь мы

видим схожую логику — власть стремится к предсказуемости поведения для достижения богатства. Аппараты безопасности, как и алгоритмы, обеспечивают функционирование процессов, создающих богатство (будь то циркуляция товаров в городе или циркуляция внимания в цифровой среде). Разница лишь в том, что в случае биополитики речь идет про общенациональное богатство, а в случае алгоритмической власти — про прибыль частных корпораций².

Зафиксируем промежуточный вывод: алгоритмическая власть не появляется *ex nihilo* — подобно тому как наука о данных (*data science*) опирается на методы математической статистики и теории вероятности (используемые биополитикой), алгоритмическая власть типологически и исторически наследует аппаратам безопасности. Вместе с этим мы утверждаем, что алгоритмическая власть не сводится лишь к применению техник биополитической или дисциплинарной власти на новом технологическом уровне, но имеет принципиальные отличия в самой логике своего функционирования. Как мы покажем в заключительном разделе, эти отличия могут иметь существенные последствия для политической жизни.

Во-первых, вместе с переходом от управления обществом к персонализированному управлению власть перестала ориентироваться на статистическую норму или представление о «среднем человеке». Рувруа и Бернс отмечают, что поле возможностей индивида «организуется непосредственно внутри среды, а не через столкновение с внешней нормой — законом, средним, определением нормальности» (Rouvroy & Berns, Carey-Libbrecht, 2013: 180). Статистика делала общество видимым, а норма позволяла увидеть отклонение, которое служило сигналом социальной проблемы. Безопасность допускает отклонения, но все еще ориентируется на распределение нормы: нормальный уровень преступности, смертности или бедности. Решения принимаются исходя из понимания нормы. Для аппаратов безопасности не менее важна фигура «среднего человека» — носителя значения из генеральной совокупности, представителя той или иной выборки, группы, класса и т. д. Так единственный случай заранее раскрывается посредством индивидуализации

²Хотя на данный момент механизмы алгоритмической власти внедряются и на государственном уровне, это скорее свидетельствует о том, что государство управляется посредством корпоративных практик — с помощью КРІ, конкуренции, управленческих игр и т. д. Как мы покажем далее, в рамках современной парадигмы управления сама граница между частным и общественным размывается, управление производится независимо от этой границы.

коллективного или, «что, в сущности, то же самое, коллективизации — посредством квантификации [...] — индивидуального, включения индивидуальных феноменов в состав той или иной коллективности» (Фуко, Суслов и др., 2011: 101). Для алгоритмической власти пользователь изначально: (1) нетипичен — он явлен как набор поведенческих следов, из которых алгоритм впоследствии строит профиль и определяет его принадлежность к тем или иным кластерам; (2) не анонимен (как анонимен типичный субъект статистики) — алгоритмы знают предпочтения или действия пользователей на отрезках времени. Если статистика исходит из заранее определенных категорий населения (таких, как возраст, пол, образование), то алгоритмические системы производят собственные категории непосредственно из данных, объединяя индивидов не по содержательным социальным признакам, а по сходству поведенческих паттернов и корреляционных связей. Алгоритмическая власть в принципе все меньше нуждается в устойчивых группах — для нее гораздо важнее локальные корреляции, чем субстанциальные категории классической статистики: уже не так важно, кто действительно богатый или бедный, гораздо важнее, что пользователи, которые обычно смотрят *X*, покупают *Y*. Единичные случаи, закодированные через вычисляемые признаки, соотносятся не с общей нормой, а с комплексом нередуцируемых к среднему и регулярно обновляющихся отношений корреляции между признаками. Здесь смещается цель воздействия — «уже не исключение того, что не соответствует среднему, а устранение непредсказуемого» (Rouvroy & Berns, Carey-Libbrecht, 2013: 174).

Во-вторых, алгоритмическая власть уже не стремится понять то, чем она управляет. У классической статистики, используемой аппаратами безопасности в биополитических целях, есть предварительная схема понимания мира и гипотеза — исследователь заранее предполагает, что существует некая проблема или закономерность (голод вызывает беспорядки, высокая смертность снижает богатство государства и т. д.). В соответствии с гипотезой определяются категории и формируются выборки, проводится сбор данных. Между реальностью и статистическим знанием всегда существует промежуточный уровень интерпретации, который создает возможность критики такого знания и связанных с ним форм власти. Биополитические техники так или иначе пытаются выстроить причинные взаимосвязи, ответить на определенные вопросы (например, почему растет преступность?). Статистика здесь призвана раскрывать определенные закономерности в мире. Алгоритмы управляют поведением через корреляции, не имея никакой модели причин

происходящего. Алгоритм не интересуется, что означает признак, — его интересуется, как он статистически связан с другими. Рувруа вслед за Феликсом Гваттари говорит об асигнифкативности такого управления, то есть об отсутствии означивания (цифровыми сигналами можно оперировать вне зависимости от их значения). Алгоритмическая власть функционирует, словно стохастическая китайская комната в известном мысленном эксперименте Джона Серла (Searle, 1980), где сидящий внутри знает, какие ответы приведут к тем или иным результатам с той или иной вероятностью. Гипотеза больше не предшествует анализу. Алгоритмы ищут корреляции в гигантских массивах данных, подчас обнаруживая совершенно неожиданные и нерациональные корреляции. Никто заранее не предполагал существование таких корреляций — они были найдены так, будто сама реальность явила их. В итоге происходит переход от причинности к корреляции, от проверки гипотез к оптимизации предсказаний.

Из этого вытекает третье отличие: алгоритмическое управление в своем наиболее эффективном режиме осуществляется на дорефлексивном и додискурсивном уровне, воздействуя на человека не через убеждение и аргументацию, а через организацию среды, в которой формируются привычки, аффекты и поведенческие реакции. Персонализированные уведомления, бесконечная лента контента, алгоритмически оптимизированные рекомендации и системы социальных реакций проектируются таким образом, чтобы вызывать и закреплять определенные аффективные состояния, повышающие вероятность дальнейшего взаимодействия с платформой. Это отличает алгоритмическую власть как от техник дисциплинарной власти (формирующей субъекта через интериоризацию норм), так и от механизмов либерального управления (исходно предполагавших рационального агента, принимающего решения на основе собственных интересов). Алгоритмы не строят гипотез о тех, кем управляют, и не нуждаются в согласии управляемых. Они стремятся увеличить вероятность определенной реакции. Этим машинное порабощение (функционирующее асигнифкативно) отличается от социально-го подчинения, связанного с производством субъективности. Вот как особенности машинного порабощения описывает Маурицио Лаззарато:

...асигнифкативные семиотики синхронизируют и модулируют доиндивидуальные и довербальные элементы субъективности, заставляя аффекты, восприятия, эмоции и т. д. функционировать как составные части, как элементы машины. Все мы можем функционировать как элементы ввода/вывода

семиотических машин, как простые телевизионные или интернет-реле, которые облегчают или блокируют передачу информации, коммуникации или аффектов. В отличие от сигнифицирующих семиотик, асигнификативные семиотики не признают ни личностей, ни ролей, ни субъектов (Lazzarato, O'Neill, 2006).

Почему такое асигнификативное управление все больше распространяется сегодня? В чем условие его эффективности? Мы полагаем, что ответ можно найти в исследованиях Бернара Стиглера, указывавшего на нарастающий по мере технического прогресса процесс отчуждения знаний и способностей человека в технические системы: все больше когнитивных и символических функций, связанных с памятью, вниманием, суждением и производством смыслов, делегируются техническим системам, что ведет к утрате способности самостоятельно осмыслять и присваивать собственный опыт. По мнению Стиглера, цифровые медиа постепенно подрывают способность человека самостоятельно формировать символические связи и интерпретации, что приводит к символической нищете — ситуации, в которой избыток информации сочетается с неспособностью осмыслять и присваивать опыт. Субъект все реже участвует в коллективном производстве значений и все чаще оказывается потребителем заранее организованных инфопотоков. Это создает благоприятную среду для алгоритмического управления, поскольку субъект, утративший способность к символической обработке опыта, оказывается более восприимчивым к непосредственному воздействию на уровне аффектов и импульсов. В результате ослабевают способности к рефлексии, критическому суждению, формированию устойчивых желаний. Вместе с этим происходит грамматизация — перевод человеческой деятельности, коммуникации и опыта в дискретные формы, пригодные для записи, хранения и технической обработки (Stiegler, Ross, 2010; Stiegler, Norman, 2014). В этом смысле асигнификативность алгоритмической власти опирается на предшествующую грамматизацию социального опыта, ведь для воздействия на человека через данные необходимо сначала перевести его жизнь в форму данных³.

В силу своей асигнификативности алгоритмическая власть игнорирует человеческую субъективность: она

схватывает субъектов алгоритмической гвернаментальности уже не через их физическое тело и не через их моральное сознание — традиционные

³Подробнее про пролетаризацию и грамматизацию в контексте внедрения алгоритмических систем см.: Моисеев, 2026.

точки приложения власти в ее юридико-дискурсивной форме, — но через множественные «профили», приписываемые им автоматически на основе [их] цифровых следов (Rouvroy & Berns, Carey-Libbrecht, 2013: 190).

Алгоритмическая власть управляет не индивидами, но «дивидуумами»⁴ — набором вычислимых параметров и отношений (корреляций) между ними, фрагментами расширенного и деконструированного социального тела.

Может показаться, что персонализация поощряет индивидуальность, однако в действительности она привязывает человека к его цифровому профилю, редуцируя многообразие его опыта к набору вычислимых признаков и отношений между ними. Как отмечает Зубофф, цифровой бихевиоризм «изгоняет нас из нашего собственного поведения. Он отрывает нашу внутреннюю жизнь от внешней, нашу субъективность и глубину от наблюдаемых действий» (Зубофф, Смирнов, 2025: 220–221). Это отличается как от механизмов дисциплинарной власти, производящих послушных субъектов, так и от механизмов либерального управления, предполагающих свободных субъектов — *homo oeconomicus*, обладающих интересами и определенной рациональностью (Фуко, Дьяков, 2010). Субъективация перестает быть важным звеном механизмов управления. Рувруа и Бернс указывают, что видимость идеальной объективности, достигаемая посредством отказа от значений и смыслов, обусловлена избеганием субъективности. Таким образом, в функционировании алгоритмических систем полностью отсутствует перспектива от первого лица. Вместо человеческого субъекта алгоритмическая власть управляет отношениями между наборами корреляций⁵.

Наконец, алгоритмическая власть отличается непрерывностью обеспечиваемого ею контроля и связанным с ней изменением темпоральности. Благодаря развитию машинного обучения власть может реагировать в режиме реального времени, независимо от человека. Раньше цикл обратной связи был развернут во времени и разделен на этапы: наблюдение, моделирование, вмешательство и последующее повторное

⁴С помощью этого концепта Жиль Делёз характеризует сдвиг от дисциплинарного общества к обществу контроля, в механизмах которого важную роль играют цифровые технологии: «Мы больше не имеем дела с парой масса-индивидуум. Индивидуумы становятся „дивидуумами“, а массы — сэмплами, рынками и банками данных» (Делёз, Шестакова, 2004: 230). Если латинское слово *individuum* означает «неделимый», то *dividuum* — «делимый».

⁵Подробнее про устранение субъективации из алгоритмического управления см.: Писарев, 2025.

наблюдение. Такая конфигурация предполагает задержку между фиксацией состояния системы и возможностью его корректировки, что делает управление принципиально ретроспективным. В алгоритмической среде этот цикл радикально сокращается: событие (например, клик пользователя) немедленно фиксируется, перерабатывается моделью и отражается в изменении интерфейса или рекомендаций⁶. В результате формируется контур почти мгновенной адаптации, где различие между наблюдением и вмешательством стирается, а управление начинает функционировать как процесс постоянной калибровки в режиме реального времени. Само время перестает выступать как длительность, в которой разворачиваются причинные цепочки, и сводится к непрерывно обновляемому «сейчас». Прошлое существует лишь как поток актуализируемых признаков модели, а будущее — как набор вероятностных реакций системы, уже встроенных в текущую оптимизацию. Тем самым историчность, основанная на различии между уже случившимся и еще не наступившим, в таком режиме власти оказывается невозможной.

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ ГУВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ

Следуя фукианской традиции аналитики власти, необходимо задать-ся вопросом о типе знания, который коррелирует с алгоритмической властью. Очевидным ответом будет указание на такую дисциплину, как наука о данных (*data science*), на компьютерные науки в целом и, частично, на нейронауки. В своем изложении концепции алгоритмической гвернаментальности Рувруа и Бернс подробно описывают методы наук о данных (сбор данных, их обработка, воздействие на поведение), сравнивая их с методами классической статистики. Мы же полагаем, что, помимо компьютерных наук и бихевиоризма, существует и другое поле знания, которое обуславливает алгоритмическую власть. Однако прежде, чем мы перейдем к пояснению этого тезиса, необходимо разобраться с понятием гвернаментальности. Заодно мы проясним, почему, соглашаясь с основными тезисами Рувруа и Бернса, мы избегаем говорить об алгоритмической гвернаментальности, употребляя вместо этого понятие алгоритмической власти.

⁶ Жиль Делёз, прогнозируя использование цифровых механизмов контроля, удачно описывает этот принцип как модуляцию — «деформирующий самого себя модуль, постоянно меняющийся, каждое мгновение, словно сито, отверстия в котором постоянно меняют свое расположение» (Делёз, Шестакова, 2004: 228).

Перевод французского неологизма *gouvernementalité* словом «гувернаментальность» обосновывает в своей работе, посвященной этому понятию, Виктор Каплун (Каплун, 2019), отмечая некорректность таких вариантов перевода, как «правительственность», «правительственная ментальность», «государственное управление». Само понятие Каплун определяет следующим образом:

...гувернаментальности [...] — это варьирующиеся от эпохи к эпохе и от культуры к культуре парадигмы (у)правления; они включают в себя совокупности практик, или техник, посредством которых люди [...] направляют поведение друг друга и свое собственное, плюс концептуализацию этих техник и практик в формах знания, предписаниях, рекомендациях в научной, управленческой, моралистической, педагогической, духовной или иной литературе соответствующей эпохи (там же: 185).

Схожий взгляд дает Мишель Сенеляр в предисловии к курсу лекций, говоря, что «это понятие надо понимать в широком смысле техник и процедур, предназначенных для руководства поведением людей», а также что гувернаментальность «выступает рациональностью, имманентной микровласти вне зависимости от уровня конкретного анализа» (Сенеляр, Суслов и др., 2011: 507). Уже здесь мы видим классическое для Фуко соединение двух линий — власти (как совокупности техник и практик) и знания (их концептуализация, источник легитимности и тип рациональности власти). Дополним: Александр Писарев пишет, что гувернаментальность дает «инструменты, чтобы мыслить себя, власть, общество и мир в целом» (Писарев, 2025: 93), а Олег Хархордин пишет о рациональности управленческого императива (Хархордин, 2026: 15). Сами Рувруа и Бернс определяют алгоритмическую гувернаментальность как определенный тип рациональности. Отметим также, что сам Фуко, рассуждая о либеральной и неолиберальной гувернаментальности, указывает, что внутри одной гувернаментальности комбинируются разные формы власти: например, юридически-правовые, дисциплинарные и механизмы безопасности (Фуко, Дьяков, 2010: 161).

Исходя из всего вышеперечисленного, можно поставить под сомнение роль компьютерных наук и конкретно науки о данных в качестве типа рациональности, связывающего различные и разрозненные формы власти воедино (как в случае с либеральной гувернаментальностью). Сами по себе компьютерные науки в связке с алгоритмическими техниками управления не задают новую гувернаментальность — поле того,

что считается разумным, необходимым и истинным способом управления. Они не отвечают на вопросы о том, как следует управлять, не содержат собственного нормативного проекта, не объясняют, почему управлять людьми следует именно посредством алгоритмов. Компьютерные науки представляют собой специализированную область знания. Губернаментальность предполагает более широкий тип рациональности, определяющий не только технические средства управления, но и само понимание того, что следует считать рациональным объектом управления и эффективным способом воздействия на него. Например, экономика сама по себе не является губернаментальностью — она составляет (нео)либеральной губернаментальности язык и инструменты.

Мы полагаем, что когда Рувруа и Бернс пишут об алгоритмической губернаментальности, то они на самом деле имеют в виду более узкий феномен — конкретную форму или технику власти, которая наряду с другими формами власти является частью более широкого феномена — губернаментальности. Но если эта губернаментальность не алгоритмическая, то какая? Что за поле знания делает компьютерные науки, нейросети и другие алгоритмы машинного обучения разумными и истинными техниками управления? Что обуславливает и легитимирует их применение для воздействия на поведение людей?

На наш взгляд, достойную кандидатуру на эту роль предложил один из основоположников кибернетики Норберт Винер. Кибернетика — это не просто теория информации. Управление исходно является для кибернетики центральной проблемой⁷ и неразрывно связано с пониманием коммуникации и информации, тогда как для компьютерных наук управление представляет лишь одну из возможных областей применения вычислительных методов. Компьютерные науки предлагают методы вычислительной обработки данных, однако сами по себе они не обосновывают необходимость и разумность представления человеческого поведения в качестве набора вычислимых признаков, подлежащего измерению, прогнозированию и модификации. Именно кибернетика

⁷ «Задачей кибернетики является выработать язык и технические приемы, позволяющие на деле добиться решения проблем управления и связи вообще» (Винер, Панфилова, 1958: 30). Здесь также можно сослаться на деятельность Стаффорда Бира, который не только развивал кибернетическую теорию управления организационными системами, но и стремился применять ее непосредственно в практике управления. Наиболее масштабным воплощением его проекта стал разработанный под его руководством Project Cybersyn в Чили, в рамках которого кибернетические модели управления были перенесены на уровень национализированной экономики.

формирует особую модель управляемого объекта, в рамках которой поведение может быть представлено как наблюдаемый процесс обмена информацией, поддающийся измерению, прогнозированию и регулированию посредством обратной связи. Тем самым кибернетика задает эпистемическую и операциональную рамку, внутри которой определенные способы управления становятся мыслимыми, рациональными и технически осуществимыми.

Кибернетика стала одним из интеллектуальных источников современной вычислительной и алгоритмической культуры, а ряд разработанных в ее рамках идей — в частности, самоорганизации, адаптации и обратной связи, — оказался важен для последующего развития машинного обучения: «идея самоорганизующихся вычислений, способных адаптироваться к окружающей среде и „обучаться“ устойчивым образом, стала ключевой частью „эпистемического ансамбля“ кибернетики, проложившего путь к машинному обучению» (Пасквинелли, Напреенко, 2024: 140). Ключевой для кибернетики принцип обратной связи оказал существенное влияние на последующее развитие концепций адаптивных и обучающихся машин, в том числе нейронных сетей. Важно, что этот принцип мыслится Винером и как ключевой метод управления: «Обратная связь есть метод управления системой путем включения в нее результатов предшествующего выполнения ею своих задач», причем в роли системы может быть как техническая или социальная система, так и отдельный человек (Винер, Панфилова, 1958: 71). Кибернетика вводит модель управления как непрерывного процесса регулирования на основе измерений и вычислений. Фактически управление становится функцией постоянного измерения, поскольку без измерения нет обратной связи, а без обратной связи нет управления. Система существует, только пока постоянно получает информацию о собственном состоянии. Таким образом, управление и коммуникация оказываются двумя сторонами одного процесса: управление требует постоянного получения информации о состоянии управляемой системы. В этой перспективе возможность управления поведением оказывается непосредственно связана с информационной инфраструктурой: чем больше информации о состоянии системы доступно, тем более точным может быть ее регулирование. Следовательно, сбор данных — измерение коллективного поведения — становится не вспомогательной процедурой, а необходимым структурным условием управления. Именно здесь возникает возможность перехода от кибернетического управления к алгоритмической

власти: информационная инфраструктура, необходимая для регулирования системы, становится одновременно инфраструктурой наблюдения, прогнозирования и воздействия на поведение.

В книге «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» Винер, опираясь на свой опыт проектирования автоматического зенитного орудия, пишет, что эффективное действие требует предсказания будущего состояния системы. Управление невозможно без модели ожидаемого поведения, что задает прототип предиктивной логики алгоритмической власти (Винер, Соловьев и Поваров, 1983).

Не менее важно, что кибернетика унифицирует управляемых — живые организмы, машины и социальные системы могут описываться в одних и тех же терминах: входы, выходы, сигналы, информация, обратная связь. Винер неоднократно подчеркивает, что для кибернетики принципиально не важно, из чего состоит система, она в любом случае будет анализироваться одинаково — через наблюдаемое поведение: «общие классы поведения одинаковы для машин и для живых организмов» (там же: 292)⁸. Следовательно, человеческое поведение перестает быть чем-то принципиально уникальным и превращается в объект вычисления. Человек описывается не через сознание или волю, а через участие в процессах обмена информацией. Это создает язык, в котором поведение может быть формализовано как поток информации. Это важный момент для функционирования алгоритмической власти: прежде чем управлять человеком через данные, необходимо представить его как источник и приемник данных — в соответствии с приведенным выше описанием машинного порабощения у Лаззарато. Таким образом, можно заключить, что кибернетическая рациональность меняет сам способ конституирования человека как объекта управления, а алгоритмическая власть реализует эту трансформацию на практике.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Рассмотрим возможные последствия новых форм власти и гегемональности для политической жизни. Если описанные выше характеристики алгоритмической власти действительно изменяют отношения между субъектом, знанием и властью, то они неизбежно затрагивают и условия, в которых осуществляется политическое взаимодействие.

⁸Характерно, что на эту особенность кибернетики ссылается и сама Рувруа в более поздних работах, посвященных алгоритмическому реализму — эпистемологическому режиму, который лишает человека привилегированного положения (Rouvrouy, 2025: 1).

Одним из таких последствий может быть эрозия общего пространства коммуникации, которое является важной составляющей политической жизни. Уже стало общим местом утверждение, что распространение алгоритмических систем способствует усилению отчуждения в социальных отношениях. Если алгоритмы социальных сетей трансформировали условия коммуникации, то генеративный ИИ начинает автоматизировать отдельные элементы самой коммуникации. Электронные письма уже могут составляться и обрабатываться ИИ-ассистентами, а пользователи дейтинг-приложений делегируют генеративным системам формулирование сообщений и ведение диалога. Показательным примером является трансформация платформ коллективного производства знания: например, распространение генеративного ИИ сопровождалось значительным снижением активности пользователей одного из наиболее популярных в IT-среде форумов — Stack Overflow, поскольку обращение к ИИ зачастую оказывается проще, чем взаимодействие с другими людьми. В данном случае речь идет не просто о замене одного инструмента коммуникации другим: автоматизация коммуникации потенциально влияет на саму структуру социальных взаимодействий, уменьшая вероятность межлического взаимодействия.

Эта тенденция усиливается персонализацией информационной среды. Алгоритмические системы не просто обеспечивают доступ к единому массиву информации, но отбирают и ранжируют ее в соответствии с характеристиками конкретного пользователя. Сама логика персонализации разрушает общий мир: каждый пользователь получает собственную версию социальной реальности, сформированную алгоритмами, а пространство общего опыта сужается и фрагментируется. Общие основания коммуникации уходят на второй план, в то время как индивидуализированные информационные среды приобретают все большее значение. Это неудивительно, ведь, как мы показали ранее, алгоритмическая власть не нуждается в обществе или сообществе, чтобы осуществлять управление — нет нужды выводить норму, чтобы регулировать отклонения от нее, а «средний человек» оказывается лишним человеком в обществе кибернетического контроля. Вместо этого управление строится по принципу непрерывной обратной связи: данные о поведении пользователя используются для оценки его текущего состояния и последующей адаптации воздействия к выявленным характеристикам. Такая логика позволяет управлять множеством индивидов без необходимости предварительно конструировать их как единую группу. Персонализация, тем

самым, не только повышает точность воздействия, но и способствует индивидуализации социального опыта.

Таким образом алгоритмическая власть замыкает (ин)дивида на самом себе, на наборе из корреляций, относящихся только к нему одному. Рувруа и Бернс называют этот процесс монадологизацией: вместо общего пространства отношений человек оказывается внутри пузыря собственной статистической идентичности (Rouvroy & Berns, Carey-Libbrecht, 2013: 178). А описанное приведение всех к единому знаменателю (набору числовых векторов) путем асигнифкативного управления исключает любую перспективу от первого лица, а следовательно — пространство множественности, в котором сосуществуют различные способы понимания и видения реальности.

Рувруа и Бернс указывают, что имманентные алгоритмические нормы, возникающие без рефлексии и без оценки, не позволяют задать вектор для возникновения общественного пространства. Они полагают, что из-за нарастающей персонализации происходит колонизация публичной сферы гипертрофированной частной сферой (*ibid.*: 168). На наш взгляд, причина в том, что кибернетическая гувернаментальность просто не воспроизводит различия частного и общественного, поскольку управляет как индивидом, так и обществом по одним и тем же принципам, ведь для кибернетики мозг, индивид, общество — структурно тождественные системы⁹, которые управляются по структурно схожим принципам¹⁰. Поэтому распространение алгоритмических технологий сопровождается размыванием границы между частным и общественным, что влечет за собой ряд парадоксов и коллизий¹¹. С одной стороны, социальные сети делают человеческую жизнь все более публичной, с другой — персонализация и алгоритмическая фильтрация фрагментируют общее пространство, замыкая пользователей в инфопузырях. Более того, кризис публичной сферы сопровождается кризисом приватности: слежка и надзор за человеком непрерывно расширяются, сокращая область непроницаемого для вычисления приватного опыта¹².

⁹В этом ее различие с либеральной гувернаментальностью, которая строго разграничивала частное и общественное.

¹⁰Ранее мы показали, как логика биополитических аппаратов безопасности, предназначенных для управления общественными процессами, переносится на уровень индивида.

¹¹Сюда также можно отнести нарастающий по мере развития генеративного ИИ кризис авторского права в самом сердце современного технокapиализма (США).

¹²Это резонирует с мыслью Ханны Арендт о взаимной необходимости приватной и публичной стороны жизни человека, о необходимости гармоничного баланса между

Еще одним потенциальным следствием является своего рода алгоритмический реализм: алгоритмические системы способны переводить сложные социальные процессы в набор количественно представимых параметров, которые начинают функционировать как непосредственное, объективное основание действия и политического решения. Универсалистская претензия алгоритмической власти на непосредственное извлечение знания из реальности не оставляет места для критики или дискуссии, для какого-либо политического обсуждения. Политическое измерение при этом маскируется под техническую необходимость: решения выглядят как выводы из фактов, а не как результат выбора между альтернативными интерпретациями или различными политическими целями. Тем самым возникает риск деполитизации: то, что ранее могло рассматриваться как предмет публичного обсуждения, конфликта интересов или выбора между различными нормативными ориентирами, может быть представлено как задача оптимизации, требующая поиска наиболее эффективного решения. В этом отношении алгоритмическая власть продолжает более широкую тенденцию рационализации управления, но придает ей новые возможности благодаря способности обрабатывать большие массивы данных и осуществлять управление в непрерывном режиме.

Для Рувруа и Бернса это связано с риском исчезновения самой идеи проекта: вместо множества возможных траекторий будущего в алгоритмической логике остается работа с вероятным продолжением настоящего. Проект предполагает не просто описание или прогноз, а конструирование возможного будущего как результата выбора между различными траекториями развития. В этой перспективе политика удерживается как пространство конкурирующих проектов — конкурирующих гипотез о том, каким может быть социальный порядок. Алгоритм же экстраполирует наиболее вероятное продолжение существующих тенденций. Здесь исчезает возможность гипотезы как открытой альтернативы: вместо утверждения о том, как может быть устроен мир, возникает логика оптимизации наиболее вероятного продолжения настоящего.

С этим связана еще одна особенность алгоритмической власти — стремление минимизировать неопределенность. Предиктивные системы рассматривают будущее прежде всего как продолжение уже наблюдаемых

ними для осуществления политической жизни, о потребности в пространстве уединения вдали от «блеска, каким постоянное присутствие других людей заливают публичное пространство» (Арендт, Бибихин, 2000: 29)

закономерностей: прошлое поведение позволяет оценить вероятные сценарии, а полученный прогноз — скорректировать настоящее. При этом возникает замкнутый контур: прогноз становится основанием для воздействия, а результат воздействия вновь поступает в систему в качестве данных. Это позволяет не только предсказывать поведение, но и постепенно сужать пространство возможных его траекторий. Однако политическое действие связано не только с выбором между существующими вариантами, но и со способностью непредсказуемо изменить саму траекторию развития ситуации — поставить под вопрос сложившуюся конфигурацию, предложить принципиально новый подход и реализовать радикально отличный порядок. Алгоритмическая рациональность, напротив, по самой своей логике тяготеет к оптимизации уже заданного пространства возможностей. Конечно, алгоритмические системы сами подвержены ошибкам, работают с неполными данными и могут порождать неожиданные результаты; более того, их применение является частью социальных процессов, которые сами способны изменять условия функционирования алгоритмов. Поэтому речь идет не о полном устранении неопределенности, а о создании институциональной и технической инфраструктуры для постепенного сокращения пространства непредсказуемого. Здесь возникает новая форма напряжения между открытостью социального действия и стремлением алгоритмических систем сделать его предсказуемым и управляемым. Исследование этого напряжения представляется одним из ключевых направлений дальнейшего анализа политических последствий алгоритмической власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе мы показали, что алгоритмическая власть не представляет собой радикального разрыва с предшествующими формами власти. Она вырастает из логики аппаратов безопасности, наследуя от них ориентацию на предиктивное и превентивное управление и принцип управления через среду — посредством форматирования поля возможного действия. Однако эта преемственность не отменяет качественных отличий: алгоритмическая власть управляет нетипичными и не анонимными (ин)дивидами, не нуждаясь в статистической норме; переходя от причинности к корреляции, она отказывается от понимания тех цифровых признаков, которыми она оперирует и, следовательно, исключает из рассмотрения внутреннюю жизнь человека при управлении его поведением; алгоритмическая власть не производит никакой субъективности — она ее игнорирует, управляя цифровыми профилями; алгоритмическая

власть достигает практически непрерывного контроля в режиме реального времени. Последнее достигается исходя из принципа управления посредством непрерывной обратной связи, который алгоритмическая власть наследует из кибернетики.

Как было показано, именно кибернетика является той парадигмой управления, которая обуславливает применение алгоритмической власти как разумного и необходимого способа управления, а также концептуально связывает воедино разнородные практики алгоритмического управления. Кибернетика предлагает идею автоматического управления на основе вычислений, представляя поведение как вычислимый объект, что, в свою очередь, приводит к унификации управляемого — оказывается, что живыми организмами, машинами и социальными системами можно управлять одинаково. Кибернетика практически отождествляет управление и коммуникацию — управлять можно только при своевременном получении информации. Вместе с этим артикулируется предсказание как необходимый элемент управления. Реализацию всех этих принципов мы можем наблюдать сегодня в механизмах алгоритмической власти.

Поскольку для кибернетики общество, индивид и даже отдельный орган индивида не имеют принципиальных различий в качестве объекта управления, то кибернетическая гвернаментальность не воспроизводит в полной мере различия общественного и частного. В результате граница между ними размывается, что приводит к одновременному кризису публичного и приватного пространств. Этому сопутствует нарастающее цифровое отчуждение, ведущее к фрагментации общего информационного пространства и сокращению пространства коллективного опыта и действия. Представление алгоритмических решений как непосредственных выводов из самой реальности создает риск подмены политических проблем, предполагающих интерпретацию, ценностный выбор и возможность публичного обсуждения, техническими решениями, подлежащими оптимизации. В результате возникает противоречие между политикой как пространством коллективного действия и открытого обсуждения различных проектов будущего — и логикой алгоритмической власти, ориентированной на фрагментацию социального, минимизацию неопределенности и сведение будущего к вероятностным продолжениям настоящего. В пределе такая логика не просто трансформирует способы осуществления политики, но угрожает возможности возникновения новых политических альтернатив, предполагающих разрыв с текущим порядком.

ЛИТЕРАТУРА

- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / под ред. Д. М. Носова ; пер. с англ. В. В. Бибихина. — СПб. : Алетей, 2000.
- Винер Н.* Кибернетика и общество / пер. с англ. Е. Г. Панфиловой. — М. : Иностранная литература, 1958.
- Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / под ред. Г. Я. Поварова ; пер. с англ. И. Я. Соловьева, Г. Я. Поварова. — 2-е изд. — М. : Наука, Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983.
- Делёз Ж.* Post scriptum к обществам контроля / пер. с фр. Т. В. Шестаковой // Переговоры / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2004. — С. 226–232.
- Дорониин А. С.* Алгократия — новая система управления в информационном обществе // Философский контекст науки и техники : сборник научных трудов. Вып. 4 / под ред. Л. А. Зеленова, Е. В. Грязновой. — Нижний Новгород : ННГАСУ, 2012. — С. 54–64.
- Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Смирнова. — М. : АСТ, 2022.
- Зубофф Ш.* Надзорный капитализм или демократия? / пер. с англ. А. Смирнова. — М. : Издательство Института Гайдара, 2025.
- Каплун В.* Перестать мыслить «власть» через «государство» : gouvernementalité, Governmentality Studies и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. — 2019. — № 2. — С. 179–220.
- Мейсон П.* Посткапитализм : путеводитель по нашему будущему / пер. с англ. А. Дунаева. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Моисеев Г. В.* Пролетаризация труда в условиях развития искусственного интеллекта // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2026. — № 2. — С. 58–68.
- Пасквинелли М.* Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта / пер. И. Напреенко. — М. : Individuum, 2024.
- Писарев А. А.* Алгоритмическое управление : субъективация под вопросом // Вопросы философии. — 2025. — № 10. — С. 89–100.
- Сенеляр М.* Контекст курса // Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко ; пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2011. — С. 476–511.
- Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее : посткапитализм и мир без труда / пер. с англ. Н. Охотина. — М. : Strelka Press, 2019.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Н. Наумова. — М. : Ad Marginem, 1999.
- Фуко М.* Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. — СПб. : Наука, 2005.

- Фуко М. Мишель Фуко: Безопасность и государство // Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970–1984. Часть 3 / пер. с фр. Б. М. Скуратова. — М. : Практис, 2006. — С. 43–51.
- Фуко М. Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. Дьякова. — СПб. : Наука, 2010.
- Фуко М. Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2011.
- Хархордин О. В. Gouvernamentalité по-русски : (у)правление как удел святителей и царей // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2026. — Т. 10, № 1. — С. 13–69.
- Aneesh A. Virtual Migration : The Programming of Globalization. — Durham : Duke University Press, 2006.
- Bastani A. Fully Automated Luxury Communism. — London : Verso, 2019.
- Gartner Unveils Top Predictions for IT Organizations and Users in 2025 and Beyond / Gartner Newsroom. — 2024. — URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2024-10-22-gartner-unveils-top-predictions-for-it-organizations-and-users-in-2025-and-beyond> (visited on June 15, 2026).
- Harrington A. B. Automation Nation : What Happens When Algorithms Decide Entry for Immigrants and Refugees / New York State Bar Association. — 2023. — URL: <https://nysba.org/automation-nation-what-happens-when-algorithms-decide-entry-for-immigrants-and-refugees/> (visited on June 22, 2026).
- Lazzarato M. Semiotic Pluralism and the New Government of Signs : Homage to Félix Guattari / Transversal ; trans. from the Italian by M. O'Neill. — 2006. — URL: <http://eipcp.net/transversal/0107/lazzarato/en> (visited on June 22, 2026).
- Liu C. When Your Manager Is Inhuman / Sixth Tone. — 2021. — URL: <https://www.sixthtone.com/news/1006769> (visited on June 22, 2026).
- Metz C., Satariano A. An Algorithm That Grants Freedom, or Takes It Away / The New York Times. — 2020. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/06/technology/predictive-algorithms-crime.html> (visited on June 22, 2026).
- Ross C., Herman B. Denied by AI : How Medicare Advantage Plans Use Algorithms to Cut off Care for Seniors in Need / STAT. — 2023. — URL: <https://www.statnews.com/2023/03/13/medicare-advantage-plans-denial-artificial-intelligence/> (visited on June 22, 2026).
- Rowvroy A. Algorithmic Realism : An Eclipse of the Common. Draft for Momentary Monument / Prospective Lexicon. — 2025. — URL: https://www.academia.edu/143208868/Algorithmic_Realism_An_Eclipse_of_the_Common_Draft (visited on June 22, 2026).
- Rowvroy A., Berns T. Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation : Disparateness as a Precondition for Individuation through Relationships? / trans. from the French by L. Carey-Libbrecht // Réseaux. — 2013. — Vol. 1, no. 177. — P. 163–196.

- Searle J. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. — 1980. — Vol. 3, no. 3. — P. 417–457.
- Stiegler B. For a New Critique of Political Economy / trans. from the French by D. Ross. — Cambridge : Polity Press, 2010.
- Stiegler B. Symbolic Misery. Vol. 1. The Hyperindustrial Epoch / trans. from the French by B. Norman. — Cambridge : Polity Press, 2014.

Moiseev, G. V. 2026. "Algoritmicheskaya vlast': kiberneticheskaya ratsional'nost' i politicheskiye sledstviya [Algorithmic Power: Cybernetic Rationality and Political Consequences]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 10 (3), 73–100.

GEORGY MOISEEV

PHD STUDENT IN PHILOSOPHY

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0006-9403-5379

ALGORITHMIC POWER: CYBERNETIC RATIONALITY AND POLITICAL CONSEQUENCES

Submitted: Apr. 10, 2026. Reviewed: June 18, 2026. Accepted: Aug. 31, 2026.

Abstract: This article examines algorithmic power, understood as a form of power based on the collection and analysis of data for the purpose of modelling and pre-emptively shaping possible behavior, through the lens of Michel Foucault's analytics of power. Drawing on a critical engagement with the concepts of algorithmic governmentality developed by Antoinette Rouvroy and Thomas Berns and instrumentarian power by Shoshana Zuboff, the article identifies the distinctive features of algorithmic power. It argues that predictive and preventive forms of governance, as well as governance through interventions in the milieu, are inherited from the biopolitical security apparatuses described by Foucault. At the same time, algorithmic power is characterized by its a-signifying nature and operates outside the production of meaning and subjectivity, abandoning orientation toward statistical norms and shifting from causal explanation to the optimization of correlations. Particular attention is paid to the capacity of algorithmic power to exercise continuous control through real-time feedback loops. The notion of algorithmic governmentality is critically reassessed: it is argued that algorithmic techniques of power, in conjunction with computer science, do not constitute a self-standing governmentality but rather operate within a broader form of rationality shaped by cybernetics. Cybernetic rationality not only provides the operational principles of algorithmic governance but also makes algorithmic mechanisms a rational and legitimate means of intervening in behavior. Finally, the article explores the political consequences of the spread of algorithmic power, including the erosion of the public sphere, the disappearance of the boundary between private and public life, and the threat posed to the fundamental conditions of the political: plurality, difference, unpredictability, and natality — which are increasingly displaced by the logic of predictive optimization.

Keywords: Algorithmic Power, Cybernetics, Governmentality, Foucault, Biopolitics, Zuboff, Governance.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-73-100.

REFERENCES

- Aneesh, A. 2006. *Virtual Migration: The Programming of Globalization*. Durham: Duke University Press.
- Arendt, H. 2000. *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni [Human Condition]* [in Russian]. Ed. by D. M. Nosov. Trans. from the English by V. V. Bibikhin. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Bastani, A. 2019. *Fully Automated Luxury Communism*. London: Verso.
- Deleuze, G. 2004. "Post scriptum k obshchestvam kontrolya [Post-scriptum sur les sociétés de contrôle]" [in Russian]. In *Peregovory [Pourparlers]*, trans. from the French by T. V. Shestakova, 226–232. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Doronin, A. S. 2012. "Algokratiya — novaya sistema upravleniya v informatsionnom obshchestve [Algocracy — A New System of Governance in the Information Society]" [in Russian]. In *Filosofskiy kontekst nauki i tekhniki [Philosophical Context of Science and Technology] : sbornik nauchnykh trudov [Collection of Scientific Papers]*, ed. by L. A. Zelenov and Ye. V. Gryaznova, 54–64. Nizhniy Novgorod: NNGASU [Nizhny Novgorod State University of Architecture & Civil Engineering].
- Foucault, M. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my [Surveiller et punir. Naissance de la prison]* [in Russian]. Trans. from the French by V. N. Naumov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- . 2005. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo [Il faut défendre la société]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Cours au Collège de France (1975–1976)]* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. A. Samarskaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2006. "Mishel' Fuko: Bezopasnost' i gosudarstvo [Michel Foucault: la sécurité et l'État]" [in Russian]. In *Intellektualy i vlast'. Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'y u 1970–1984. Chast' 3 [Dits et écrits. Articles politiques, conférences, interviews, 1970–1984]*, trans. from the French by B. M. Skuratov, 43–51. Moskva [Moscow]: Praksis.
- . 2010. *Rozhdeniye biopolitiki [La Naissance de la biopolitique]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [cours au Collège de France (1978–1979)]* [in Russian]. Trans. from the French by A. D'yakov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2011. *Bezopasnost', territoriya, naseleniye [Sécurité, territoire et population]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [cours au Collège de France (1977–1978)]* [in Russian]. Trans. from the French by N. V. Suslov, A. V. Shestakov, and V. Yu. Bystrov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- "Gartner Unveils Top Predictions for IT Organizations and Users in 2025 and Beyond." 2024. Gartner Newsroom. Accessed June 15, 2026. <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2024--10--22-gartner-unveils-top-predictions-for-it-organizations-and-users-in-2025-and-beyond>.
- Harrington, A. B. 2023. "Automation Nation: What Happens When Algorithms Decide Entry for Immigrants and Refugees." New York State Bar Association. Accessed June 22, 2026. <https://nysba.org/automation-nation-what-happens-when-algorithms-decide-entry-for-immigrants-and-refugees/>.
- Kaplan, V. 2019. "Perestat' myslit' 'vlast' cherez 'gosudarstvo' [Stop Understanding 'Power' Through the 'State']: gouvernementalité, Governmentality Studies i chto stalo s analitikoy vlasti Mishelya Fuko v russkikh perevodakh [Gouvernementalité, Governmentality Stud-

- ies, and the Fate of Michel Foucault's Analytics of Power in Russian Translations]" [in Russian]. *Logos*, no. 2, 179–220.
- Kharkhordin, O. V. 2026. "Gouvernementalité po-russki [Gouvernementalité in Russian]: (u)pravleniye kak udel svyaziteley i tsarey [Governing as a Mission of Hierarchs and Tsars]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 10 (1): 13–69.
- Lazzarato, M. 2006. "Semiotic Pluralism and the New Government of Signs [Pluralismo semiotico e nuova regolamentazione dei segni]: Homage to Félix Guattari [omaggio a Félix Guattari]." Trans. from the Italian by M. O'Neill. *Transversal*. Accessed June 22, 2026. <http://eipcp.net/transversal/0107/lazzarato/en>.
- Liu, C. 2021. "When Your Manager Is Inhuman." *Sixth Tone*. Accessed June 22, 2026. <https://www.sixthtone.com/news/1006769>.
- Metz, C., and A. Satariano. 2020. "An Algorithm That Grants Freedom, or Takes It Away." *The New York Times*. Accessed June 22, 2026. <https://www.nytimes.com/2020/02/06/technology/predictive-algorithms-crime.html>.
- Meyson, P. 2016. *Postkapitalizm [Postcapitalism]: putevoditel' po nashemu budushchemu [A Guide to Our Future]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Dunayev. Moskva [Moscow]: Ad Marginem Press.
- Moiseev, G. V. 2026. "Proletarizatsiya truda v usloviyakh razvitiya iskusstvennogo intellekta [The Proletarianization of Labor under Artificial Intelligence Development]" [in Russian]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanities Research in the Russian Far East]*, no. 2, 58–68.
- Pasquinelli, M. 2024. *Izmeryat' i navyazyvat'. Sotsial'naya istoriya iskusstvennogo intellekta [Measuring and Imposing: A Social History of Artificial Intelligence]* [in Russian]. Trans. by I. Napreyenko. Moskva [Moscow]: Individuum.
- Pisarev, A. A. 2025. "Algoritmicheskoye upravleniye [Algorithmic Management]: sub'yektivatsiya pod voprosom [Subjectivation under Question]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 10, 89–100.
- Ross, C., and B. Herman. 2023. "Denied by AI: How Medicare Advantage Plans Use Algorithms to Cut off Care for Seniors in Need." *STAT*. Accessed June 22, 2026. <https://www.statnews.com/2023/03/13/medicare-advantage-plans-denial-artificial-intelligence/>.
- Rouvroy, A. 2025. "Algorithmic Realism: An Eclipse of the Common. Draft for Momentary Monument." *Prospective Lexicon*. Accessed June 22, 2026. https://www.academia.edu/143208868/Algorithmic_Realism_An_Eclipse_of_the_Common_Draft.
- Rouvroy, A., and T. Berns. 2013. "Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation: Disparateness as a Precondition for Individuation through Relationships?" Trans. from the French by L. Carey-Libbrecht. *Réseaux* 1 (177): 163–196.
- Searle, J. 1980. "Minds, Brains, and Programs." *Behavioral and Brain Sciences* 3 (3): 417–457.
- Senellart, M. 2011. "Kontekst kursa [Situation du cours]" [in Russian]. In *Bezopasnost', territoriya, naseleniye [Sécurité, territoire et population] : kurs lektsiy, prochitanykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [cours au Collège de France (1977–1978)]*, by M. Foucault, trans. from the French by N. V. Suslov, A. V. Shestakov, and V. Yu. Bystrov, 476–511. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Srnicek, N., and A. Williams. 2019. *Izobretaya budushcheye [Inventing the Future]: postkapitalizm i mir bez truda [Postcapitalism and a World Without Work]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Okhotin. Moskva [Moscow]: Strelka Press.
- Stiegler, B. 2010. *For a New Critique of Political Economy [Pour une nouvelle critique de l'économie politique]*. Trans. from the French by D. Ross. Cambridge: Polity Press.

- . 2014. *The Hyperindustrial Epoch [L'Ère hyperindustrielle]*. Vol. 1 of *Symbolic Misery [Misère symbolique]*, trans. from the French by B. Norman. Cambridge: Polity Press.
- Wiener, N. 1958. *Kibernetika i obshchestvo [The Human Use of Human Beings. Cybernetics and Society]* [in Russian]. Trans. from the English by Ye. G. Panfilova. Moskva [Moscow]: Inostrannaya literatura.
- . 1983. *Kibernetika, ili upravleniye i svyaz' v zhivotnom i mashine [Cybernetics]* [in Russian]. 2nd ed. Ed. by G. Ya. Povarov. Trans. from the English by I. Ya. Solov'yev and G. Ya. Povarov. Moskva [Moscow]: Nauka / Glavnaya redaktsiya izdaniy dlya zarubezhnykh stran [Nauka and The Main Editorial Staff of Publications for Foreign Countries].
- Zuboff, Sh. 2022. *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoye budushcheye na novykh rubezhakh vlasti [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Smirnov. Moskva [Moscow]: AST.
- . 2025. *Nadzornyy kapitalizm ili demokratiya? [Surveillance Capitalism or Democracy?]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Smirnov. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Instituta Gaydara [Gaidar Institute Publishing].